

Михаил Васильевич Воробьев

(1922–1995)

Воробьев Михаил Васильевич родился 24 апреля 1922 г. в семье служащих. После окончания средней школы он поступил в Ленинградский государственный университет. С началом Великой Отечественной войны студент Воробьев участвует в оборонительных работах, вступает в ополчение Ленинградского университета. До марта 1942 г. он является студентом ЛГУ, после эвакуации университета остается в городе, поступает на учебу на бухгалтерские курсы, а с мая 1942 г. становится сотрудником Ленинградского статистического управления, в котором занимается «обработкой материалов смертности» (из Автобиографии). В июне 1943 г. Воробьева призывают в армию, в январе 1944 г. он был ранен в боях под Ленинградом и после лечения в госпитале служил в армии еще до ноября 1945 г. В декабре 1945 г. М.В. Воробьев продолжил учебу на Восточном факультете университета по специальности «история Японии». Его дипломная работа на тему «Разложение первобытно-общинного строя и создание феодального государства в Японии (реформы Тайка и их последующее развитие)» получает высокую оценку, М.В. Воробьева рекомендуют в аспирантуру. С ноября 1950 по декабрь 1953 г. М.В. Воробьев — аспирант Института истории материальной культуры, в 1953 г. успешно защищает диссертацию на тему «Каменный век стран Японского моря» и с начала 1954 г. становится младшим научным сотрудником ИИМК. В годы учебы в аспирантуре он изучает корейский, французский и немецкий языки, становится уникальным специалистом, способным работать с японскими, китайскими и корейскими первоисточниками. Он активный участник археологических экспедиций в Сибири и на Дальнем Востоке, начальник отряда, овладевает методикой ведения археологических работ и музейного дела. В эти годы он издает две большие работы — «Древняя Япония» (М.: ИВЛ, 1958) и «Древняя Корея» (М.: ИВЛ, 1961). Работы отличаются углубленным вниманием автора к проблемам развития экономики и социального строя древних Кореи и Японии, истокам формирования японского и корейского этносов.

М.В. Воробьев активно занимается в Институте истории материальной культуры общественной работой, дважды избирается народным заседателем районного суда 1-го участка Дзержинского района г. Ленинграда. Как член профкома М.В. Воробьев вступил в конфликт с руководством Института при распределении квартир среди сотрудников. В итоге он не был аттестован на должность научного сотрудника на новый срок, а в феврале 1963 г. был уволен из ИИМК «за серьезные ошибки, допущенные в профсоюзной работе». В течение двух лет живет переводами технических текстов с японского языка, а затем при поддержке акад. В.В. Струве М.В. Воробьев поступает на работу в Сектор Древнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения АН, где и работает в должностях младшего, старшего и ведущего сотрудника до самой своей кончины.

В Институте востоковедения основные усилия М.В. Воробьева были сосредоточены на двух темах — истории и культуры чжурчжэней и чжурчжэньского государства Цзинь, ранней истории Японии и ранней истории японского права, ранней истории Кореи. В итоге М.В. Воробьевым были опубликованы монографии «Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир» (М.: Наука, ГРВЛ, 1980), «Японский кодекс Тайхо Ёро рё (VIII в.) и право раннего средневековья» (М.: Наука, ГРВЛ, 1990), «Корея во второй трети VII в. Этнос, общество, культура и окружаю-

ший мир» (СПб.: Петербургское востоковедение, 1997), «Очерки культуры Кореи» (СПб.: Петербургское востоковедение, 2002) (обе работы изданы посмертно), «Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). Исторический очерк» (М.: ГРВЛ, 1975), «Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.)» (М.: Наука, 1983). Исследование чжурчжэней, ведущего этноса средневековой Маньчжурии, предков маньчжуров, было начато М.В. Воробьевым еще во время работы в ИИМК, когда им была взята тема «Культура чжурчжэней в X–XII вв.». Последней прижизненной работой М.В. Воробьева была монография «Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древних времен до IX в. включительно)» (Владивосток: Дальнаука, 1994).

М.В. Воробьев был уникальным для своего времени специалистом. Он мог пользоваться источниками на японском, корейском и китайском языках (для совершенствования в последнем в начале 1950-х годов брал уроки у О.Л. Фишман). Он был профессиональным археологом и хорошо знал музейное дело. Долгое время М.В. Воробьев являлся активным членом Географического общества, заместителем председателя Бюро этнографии. Он был пионером в нашей стране в изучении древнейшей истории Японии и Кореи, активным участником первых археологических экспедиций под руководством акад. А.П. Окладникова на Дальнем Востоке, обеспечивал привлечение письменных первоисточников для поддержки усилий археологов и этнографов в исследовании истории региона Дальнего Востока в трудных условиях начинающегося пограничного конфликта между Китаем и СССР.

Е.И. Кычанов

Георгий Георгиевич Свиридов

(1948–1997)

Георгий Георгиевич Свиридов родился 9 мая 1948 г. В 1969 г. окончил Восточный факультет ЛГУ по кафедре японской филологии и тогда же был зачислен в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.

Еще на студенческой скамье в качестве темы для научной работы он выбрал средневековую японскую прозу сэцува, не изучавшуюся к тому времени никем из наших специалистов. В XIII в. был создан один из крупнейших памятников этой прозы, сборник «Удзи сюи моногатари» («Повествование, собранное в Удзи»), очень интересный с точки зрения структуры, идейного содержания и художественных приемов. Перевод и исследование «Удзи сюи моногатари» требовали от Г.Г. Свиридова углубленных занятий не только историей литературы, буддизмом, народными верованиями и эстетическими категориями средневековой Японии, но и проблемами общего литературоведения, психологии, религиоведения. По разным аспектам исследования прозы сэцува молодым японоведом было опубликовано несколько десятков статей, делались доклады на научных конференциях разных уровней, от годовых научных сессий Отделения АН СССР до международных конференций. В 1979 г. Георгий Свиридов защитил по избранной теме кандидатскую диссертацию, а в 1981 г. выпустил в свет монографию «Японская средневековая проза сэцува (структура и образ)».

Монография была первой на русском языке, посвященной прозе сэцува — ее истории, жанровой специфике, анализу наиболее примечательных памятников, создававшихся на протяжении пятисот лет, от VIII до XIII века.

Год, когда она увидела свет, был для ее автора знаменательным благодаря еще одному событию: 28 мая 1981 г. он был назначен исполняющим обязанности ученого

секретаря ЛО ИВ АН СССР. Президиум Академии наук утвердил его в этой должности в 1983 г., а занимал ее Г.Г. Свиридов до конца 1987 г. Исполнение обязанностей ученого секретаря явно отвлекало его от серьезной научной работы.

Общительность и большая эрудиция позволили ему, одновременно с официальной службой, стать постоянным ведущим на Ленинградском телевидении. Неумный темперамент Г.Г. Свиридова находил применение не только на телевидении. Он участвовал в работе многих комитетов и комиссий институтского, районного и городского масштаба, был членом правления ЛО Общества СССР–Япония.

Вряд ли это помогало ему следить за своим здоровьем: тяжелое заболевание почек уложило его на больничную койку. Долгое лежание в стационаре несовместимо с планомерным изучением средневековой литературы, требующим большой вспомогательной библиотеки. Но о том, чтобы отойти от профессиональной деятельности, он не мог и помыслить и решил на время болезни заняться переводами остросюжетных произведений современных японских писателей. «Флаг в тумане», «В тени», «Стена глаз» Сэйтё Мацумото и стали такими произведениями. Последние два из них были выпущены в свет Лениздатом с послесловием переводчика в 1990 г. отдельной книгой.

В 1980-х годах Лениздат выпускал серию книг под названием «XX век: Два лика планеты» — о том, что писали советские авторы о различных странах на разных этапах истории. Составителем одной из книг этой серии был Г.Г. Свиридов. Тридцать четыре очерка и рассказа японских авторов, вошедшие в книгу, потребовали от него кропотливой работы по отбору и переводу с японского языка на русский.

В 1991 г. Японский фонд присудил Г.Г. Свиридову грант для изучения в одном из научных центров Японии средневековой японской литературы. Базовым учреждением для работы был выбран Окаямский университет. Состояние здоровья стипендиата к этому времени внушало серьезные опасения. Вскоре после приезда в Окаяму он был помещен в университетскую клинику. Несмотря на все усилия японских врачей, сохранить почки русского пациента им не удалось: в конце концов его пришлось перевести на гемодиализ. Поскольку переезд на родину в таком тяжелом состоянии был невозможен, пришлось отказаться от мысли когда-либо вернуться в Россию.

Из Окаямы Г.Г. Свиридов переехал в Киото. В его судьбе приняли участие многие японские коллеги, малознакомые и вовсе незнакомые люди. Ему пришлось еще раз специализироваться в новой области — преподавать русский язык японским студентам. Одновременно продолжалась работа и в области исследования японской литературы — доклады на семинарах по литературе сэцува, перевод на русский язык произведений популярного современного писателя Макото Сиины. Этот писатель, принявший участие в судьбе больного русского японоведа, пишет о японской молодежи с ее специфическим жаргоном и деталями быта, понять которые очень трудно, если нет возможности проверять материал на месте.

Здесь же Г.Г. Свиридов пишет заметки по русской культуре для популярных японских изданий, выступает на ту же тему по радио, по просьбе издателей пишет рецензии на книги о японской литературе, выходящие в России. Он до последних дней жизни оставался старшим научным сотрудником Института востоковедения Российской академии наук.

Георгий Георгиевич всегда с готовностью помогал коллегам, приезжавшим в Японию в командировки, российским музыкантам, гастролировавшим в Стране Восходящего Солнца, малознакомым профессиональным и самодеятельным артистам, обращающимся к нему за помощью. Он был блестящим пропагандистом творчества своего отца, композитора Г.В. Свиридова.

Скончался Г.Г. Свиридов 30 декабря 1997 г. в Киото, похоронен на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге.

По материалам статьи: *Горегляд В.Н.* Памяти Г.Г. Свиридова // Знакомьтесь — Япония. М., 1998. С. 142–144.

Евгений Алексеевич Торчинов

(1956–2003)

Ученый-синолог Евгений Алексеевич Торчинов приобрел в 1990-х годах известность как исследователь традиционных религиозных идеологий Китая и специалист в области сравнительного религиоведения. Ныне его многократно переизданные труды «Даосизм», «Краткая история буддизма», «Введение в буддологию», «Религии мира: опыт трансцендентного. Трансперсональные состояния и психотехника» стали неотъемлемой составляющей университетских программ подготовки религиоведов, культурологов, историков религиозно-философской мысли Востока.

Недолгий, но исключительно плодотворный жизненный путь Е.А. Торчинова начался 22 августа 1956 г. в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) в семье рабочего-осетина, водителя автотранспорта. До семнадцатилетнего возраста Е.А. Торчинов воспитывался на родине матери, в г. Саратове, где в 1973 г. окончил с золотой медалью среднюю школу, проявив недюжинные способности к языкам и гуманитарным дисциплинам. В том же году он поступил на Восточный факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета, избрав в качестве специализации китайскую филологию.

В годы студенчества Е.А. Торчинов получил не только глубокую и всестороннюю филологическую подготовку, но и возможность интеллектуального проникновения в концепты китайской традиционной культуры, так как ему посчастливилось изучать язык у блистательного синолога Пан Ина, глубокого знатока китайской словесности.

Окончив с отличием в 1978 г. университет, Е.А. Торчинов получил направление в аспирантуру Государственного музея истории религии и атеизма (ныне — Государственный музей истории религии) и по завершении постдипломного образования с 1981 по 1984 г. состоял в штате этой организации, занимаясь экспозиционной и лекционной деятельностью. Именно в тот период проявился присущий личности Е.А. Торчинова мощный темперамент ученого-просветителя, способного сочетать исследовательскую работу с общественной активностью.

Свое кандидатское исследование он сориентировал в области исторической науки, работая под руководством Л.Н. Меньшикова, крупнейшего специалиста по изучению палеографии и письменного наследия Китая. В 1984 г. он защитил диссертацию на тему «Трактат Гэ Хуна „Баопу-цзы“ как историко-этнографический источник». К этому времени молодой исследователь уже опубликовал около двух десятков научных статей.

С 1984 по 1994 г. Е.А. Торчинов работал в ИВР РАН, который в тот период имел статус Ленинградского отделения, а затем Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения. В те годы он приступил к созданию первого своего крупного труда «Даосизм», обобщив в монографической форме результаты исследований прежних лет. Е.А. Торчинов никогда не утрачивал интереса к работе с источниками, выполняя

комментированные переводы крупных разделов из наиболее значимых произведений даосской традиции.

С 1987 г. он тесно сотрудничал с В.И. Рудым, возродившим Санкт-Петербургскую буддологическую школу, и погрузился в исследование буддийских письменных памятников, работая в составе Буддологической группы. Методология изучения буддийского религиозного опыта на основе перевода и анализа философских трактатов, разработанная В.И. Рудым, была позднее применена Е.А. Торчиновым в области сравнительного религиоведения (об этом подробнее см.: *Торчинов Е.А.* Религии мира: опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника. СПб., 1997. С. 72–75).

Однако сугубо кабинетная тематика исследовательских программ Буддологической группы, нацеленная на решение фундаментальной проблемы выявления и интерпретации санскритско-китайских терминологических соответствий в письменном наследии стран Азиатско-Тихоокеанского региона, не могла удовлетворить Е.А. Торчинова, стремившегося к созданию собственной школы. Исключительно плодовитый автор, наделенный ярким талантом к преподавательской деятельности, он в 1994 г. защитил на философском факультете СПбГУ докторскую диссертацию по религиоведению, в основу которой был положен его труд «Даосизм», опубликованный впервые в том же году. Тогда же Е.А. Торчинов перешел в штат университета и приступил к развитию востоковедного аспекта философского образования. Вскоре он получил статус аттестованного профессора и широчайшую популярность в среде студенчества и научной молодежи философского факультета.

В годы социально-политического перелома, когда в стране был взят курс на возрождение исторических религий, Е.А. Торчинов открыто заявил о своей буддийской вероисповедной принадлежности и вошел в состав попечительского совета Санкт-Петербургского дацана. Во второй половине 1990 — начале 2000-х годов он проявил исключительную активность в сфере просвещения буддийской молодежи северной столицы и способствовал установлению контактов с международными организациями единомышленников.

Не менее активные действия он предпринял и в области развития научного религиоведческого дискурса, выступив организатором ежегодных зимних научных форумов на базе философского факультета СПбГУ. Ныне эта традиция сохраняется — конференция функционирует в международном формате под названием «Торчиновские чтения».

К сожалению, Евгений Алексеевич Торчинов не дожил до своего пятидесятилетнего юбилея. Его жизнь, переполненная неумеренной активностью и сопряженная с путешествиями в страны Востока и Запада, оборвалась внезапно ранним утром 12 июля 2003 г. Коллеги и друзья проводили ученого в последний путь под звуки буддийской зауспокойной службы.

Е.П. Островская

Карен Никитич Юзбашян

(1927–2009)

Карен Никитич Юзбашян родился 6 января 1927 г. в Тифлисе в семье инженера-электрика. Предполагая пойти по стопам отца, после окончания школы он поступает в Московское высшее техническое училище (ныне МГТУ) им. Н.Э. Баумана. Однако вскоре Карен Никитич обнаруживает интерес и склонность к занятиям историей и

гуманитарными дисциплинами и в 1946 г. поступает на исторический факультет Ереванского университета. Отсюда в 1948 г. он переводится в Ленинградский университет, где обучается на кафедрах византиноведения (до 1950 г.) и истории средних веков. Будучи студентом ЛГУ, Карен Никитич стал свидетелем ряда трагических страниц в жизни отечественной медиевистики, но в то же время имел возможность общаться с выдающимися учеными, работавшими тогда на кафедре или привлекавшимися для преподавания, в первую очередь со своим учителем М.В. Левченко, а также с Н.В. Пигулевской, Е.Э. Липшиц, А.В. Банк, Е.Ч. Скржинской и др. Значительное влияние на К.Н. Юзбашяна оказало и общение с его однокурсниками, в будущем замечательными учеными Г.Л. Курбатовым, А.Г. Периханяном, И.С. Свенцицкой. Обучаясь в аспирантуре Ленинградского отделения Института истории АН СССР под руководством М.В. Левченко, Карен Никитич работал над проблемой политического и экономического кризиса в Византии в конце XII — начале XIII в. В 1957 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Византия накануне IV крестового похода. Причины поражения в 1204 г.».

С 1955 по 1958 г. Карен Никитич был заведующим рукописным отделом Матенарарана, а затем решением академика И.А. Орбели был переведен в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (позже СПбФ ИВ РАН, ныне ИВР РАН), где работал до конца жизни. Первоначально Карен Никитич был научным сотрудником Кавказского кабинета, который и возглавил в 1975 г., сменив Р.Р. Орбели. Начиная с конца 1970-х годов в течение долгого времени он был руководителем Группы историко-культурных исследований Сектора Ближнего Востока ЛО ИВ АН СССР, которая представляла собой уникальный коллектив ученых — специалистов по истории христианского Востока. С 1981 по 1991 г. Карен Никитич был председателем Ленинградского отделения Палестинского общества (прежде и ныне Императорское Православное Палестинское общество), организовав за это время пять научных конференций (в том числе международных). В последние годы Карен Никитич работал в СПбФ ИВ РАН в должности ведущего научного сотрудника-консультанта Сектора Ближнего Востока и параллельно активно занимался преподавательской деятельностью на Восточном факультете СПбГУ, где подготовил целый ряд молодых специалистов — арменоведов.

Как истинный патриот Армении, Карен Никитич принимал активное участие в политической жизни страны в один из тяжелейших периодов ее истории. В 1990–1995 гг. он был депутатом Верховного Совета Армении первого созыва и сподвижником первого президента независимой Армении Л.А. Тер-Петросяна, также выдающегося ученого.

К.Н. Юзбашян является автором более 200 работ на русском, армянском и европейских языках, посвященных различным проблемам истории и культуры Армении и Византийской империи. Таким образом, научные достижения К.Н. Юзбашяна принадлежат кавказоведению и византистике, объединяя их и свидетельствуя о единстве феномена восточно-христианской культуры, вырастающем из взаимодействия ее разноязычных элементов. В числе наиболее известных и широко признанных работ можно назвать в первую очередь критическое издание древнеармянского текста «Повествования» Аристакеся Ластивертци (Ереван, 1963) — важнейшего источника по социальной и политической истории Армении XI в. (русский перевод вышел в Москве в 1968 г.; французский — в Брюсселе в 1973 г.). Важными вехами в отечественном кавказоведении и византистике явились монографии «Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв.» (М.: Наука, 1988) и «Армянская эпопея V века. От Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке» (Ереван, 1988; 2-е изд. — М., 2001) (на армянском и русском языках). Исчерпывающую биографию своего

духовного наставника Карен Никитич представил в книге «Академик Иосиф Абгарович Орбели» (2-е изд. М.: Наука, 1986; всего четыре издания на русском и армянском языках).

Среди научных работ Карена Никитича следует отметить очерк «Армянские рукописи» в коллективном труде «Рукописная книга в культуре народов Востока: Очерки. Кн. 1» (М., 1987. С. 145–175) — работу, которая нашла продолжение и завершение в фундаментальном каталоге «Армянские рукописи в петербургских собраниях» (СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Православный Палестинский сборник. Вып. 41/104/). Каталог стал результатом многолетней работы Карена Никитича и включил в себя научное описание армянских рукописей, хранящихся в шести рукописных собраниях Санкт-Петербурга, а также исследование колофонов армянских рукописей как ценного исторического источника.

Продолжая исследования прежних лет, в последнее время Карен Никитич работал над источниками, освещающими деятельность Маштоца и проблему создания армянского, грузинского и албанского алфавитов. Кроме того, будучи главой Ленинградского отделения Палестинского общества, К.Н. Юзбашян занимался сбором и подготовкой к печати материалов о деятельности общества со времени его основания до 1991 г., что нашло отражение в его публикациях в журнале «Исторический вестник» (Москва–Воронеж, 2000, № 2–4).

Е.Н. Мещерская, Н.С. Смелова, А.Л. Хосроев